

В. А. КОНЕВ,*заведующий кафедрой философии гуманитарных факультетов Самарского государственного университета, доктор философских наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ*

КУЛЬТУРА И ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО В РОССИИ

Формирование гражданского общества в России стоит на повестке дня политического развития страны. Хотя и существует множество различных толкований гражданского общества, вероятно, все-таки его главная черта — это такое основание общественности, которое обеспечивает способность граждан государства судить о нем и влиять на его действия, с одной стороны, и способность членов сообщества (общества) влиять на изменения социальных отношений и на общественные события — с другой.

В западноевропейском обществе эти способности укоренены в традиции «общественного договора». Хотя Гоббс и сформулировал концепцию общественного договора на заре Нового времени, идея его уже жила в сознании европейцев, в их «общественном инстинкте», сформированном римской традицией «Пусть рухнет мир, но торжествует закон!». Римское право, организация римской цивилизации на основе закона и способов его обсуждения стали тем, что унаследовали общества Западной Европы. Гоббс и просветители еще больше отшлифовали этот базис европейской общественности. А европейский рационализм создал для этого методологические основания — рациональную критику аргументов в пользу утверждения всеобщности того или иного выдвигаемого положения.

Западноевропейская традиция гражданского общества — это традиция гражданского объединения на основе права и закона. Может ли такой тип гражданского общества, основанный на идее общественного договора, утвердиться в российской действительности? Думаю, вряд ли. «Интуиция общественного», которая живет в сознании российского сообщества (в российской культуре и культуре многих народов России), восходит не к римской, а к византийской политической и правовой традиции и через нее — непосредственно к греческой философской мысли (для простоты рассуждения отвлекусь сейчас от рассмотрения опыта общественной жизни, который накоплен многими неславянскими народами России и который также существенно отличается от политической и правовой практики латинской цивилизации).

От византийской традиции идет ориентация общественного начала не на соглашение по поводу закона, а на оглашение закона верховной властью. Отсюда народное убеждение: «Вот приедет барин — барин нас рассудит!». Отсюда и триада «православие, самодержавие, народность». Отсюда и в условиях демократического поворота постоянные апелляции к верховной власти — она должна сделать то и это, это и другое, и вообще, куда смотрит президент? А в последнее время — разговоры (более того, почти всеобщее желание) о необходимости изменить Конституцию страны в отношении количества сроков избрания того или иного лидера на пост президента.

Но у этой традиции есть и другой аспект — в утверждении определенного порядка и смысла общественности огромную роль играли и играют признанные в сообществе моральные авторитеты. Достаточно вспомнить, например, авторитет Льва Толстого на рубеже XIX–XX веков («В России два царя — один на троне, другой в Ясной Поляне...»), влияние академиков А. Сахарова и Д. Лихачева на процесс демократизации советского общества и утверждение идеалов общественного развития. Ценность духовных авторитетов в развитии общественного самосознания и укрепления российского сообщества выразилось и в общественном значении жизни старцев Оптиной пустыни, и в том, что «русским мальчикам прежде всего надо предвечные вопросы решить» (Ф. Достоевский).

Последнее — решение предвечных вопросов — и есть, на мой взгляд, самое важное основание общественности в нашем историческом опыте, основание гражданского, то есть признаваемого и утверждаемого гражданами общества. Поэтому прав был Д. С. Лихачев, что в России нацию создала литература, на что обратил внимание А. С. Запесоцкий¹. Не случайно в общественном сознании утвердилось представление, что «в России поэт всегда больше, чем поэт». Решение предвечных вопросов человеческой жизни — это удел тех «русских мальчиков», с которыми в российскую

¹ См.: Запесоцкий А. С. Дмитрий Лихачев: многогранность научного наследия. СПб., 2007. (Избранные лекции Университета; вып. 47).

историю вошла новая форма общественности — интеллигенция. Без российской интеллигенции нет российской истории, достаточно вспомнить знаменитые «Вехи» (с выводами которых можно соглашаться или не соглашаться, но которые совершенно справедливо указали на роль русской интеллигенции в истории начала XX века). Без российской интеллигенции не было бы того нравственного напряжения российской культуры, которое стало бесценным вкладом ее в мировую культуру.

Первенство нравственной проблематики предвечных вопросов бытия поставило в российском сознании, как верно заметил академик В. С. Степин, справедливость выше закона, а потому именно она, а не закон, всегда определяла общественный порядок (или беспорядок!). Но что такое справедливость? Это правда жизни! Это та правда, что раскрывает суть бытия, о котором говорила вся греческая философия и путь к которому искала великая русская литература и философия. Справедливость не может быть декларирована как закон или истина, она должна быть явлена, позиционирована, открыта как действие, как образец, как событие. Вот почему и необходимы общественные моральные авторитеты. Они не избираются, не назначаются, не покупаются. Они рождаются благодаря личным усилиям человека, олицетворяющего своими действиями, более того, своей жизнью, высокие нравственные ценности. Они становятся голосом общественной совести.

Поэтому гражданское общество в российской традиции может быть основано именно на образовании личности, способной ориентироваться на нравственные ценности. Такая личность формируется образованием и культурой. Поэтому путь к гражданскому обществу в России лежит через образование, ориентированное на воспитание, формирование свободного критического мышления личности (постоянное обращение к предвечным вопросам), и через высокую культуру, преемницу и продолжательницу великой российской культуры, культуры Пушкина, Достоевского, Толстого, Вл. Соловьева, Пастернака, Шостаковича, Лихачева и др.

О том, что именно образование и культура значимы для развития гражданского начала российского общества, свидетельствует совсем недавняя наша история. Перестройка и «революция» 90-х годов XX века стали результатом деятельности поколения «шестидесятников», а это поколение поэтических вечеров в Политехническом, слушателей Б. Окуджавы и В. Высоцкого, посетителей читальных залов

Ленинки и Публички, читателей выходявших тиражами в сотни тысяч экземпляров произведений русской и мировой литературы и т. п. О приоритетном месте в общественном сплочении институтов культуры и образования говорит и факт их распространения в обществе нашей недавней истории: в небольшом (15 тыс. жителей) городке Южа Ивановской области были три постоянно действующие публичные библиотеки, музей, собственная газета, четыре средние школы с бесчисленными кружками, отделение вуза, спортивный центр со стадионом, драмтеатр, народный хор и целый ряд мелких культурных институций, включая «общество поэтов»². Конечно, в условиях советского общества эти институции использовались для того, чтобы по ним циркулировала идущая сверху государственная идеология, которая и создавала «морально-политическое единство» советского общества. Но эти же институции работали и на формирование духовного развития человека, а не только на его идеологическую обработку.

Думаю, что сохранение и развитие подобных институций, которые в условиях ликвидации идеологического доктринерства могут и должны стать местом действительного культурного развития сообщества и каждого отдельного индивида, является реальным основанием формирования основ того типа гражданского общества, которое соответствует исторической традиции отечественного развития. «Декларация прав культуры», созданная по инициативе Д. С. Лихачева и провозглашенная впервые здесь в стенах Гуманитарного университета профсоюзов, — это российское добавление к «Декларации прав человека», которая наряду с правами ныне живущих людей утверждает права прошлых и будущих поколений, представленных культурой. Тем самым голос гражданского общества становится не только голосом актуально действующих общественных организаций, но и голосом культуры, ее обращением к политикам, действующему праву, правящей элите помнить, что политические интересы преходящи, а ценности культуры, утверждающие идеалы добра и справедливости, — вечны.

Конечно, для утверждения гражданского общества в России необходимо развитие современной рыночной экономики, укрепление и расширение демократических форм политической жизни, создание соответству-

² См.: Ситар С. Переоткрытие постсоветского пространства» / С. Ситар, Д. Рифф // Что делать? 2006. № 12.

ющей законодательной и правовой базы и развитие правового сознания граждан. Но эти необходимые для гражданского общества «атрибуты» тогда станут сваями, на которых будет прочно стоять гражданское российское общество, когда они укоренятся в исторической почве российской истории.

Вот почему и обществу и государству так важно с огромным вниманием отнестись к тому разделу национальных проектов, который посвящен образованию. Разрушение школы (как средней, так и высшей) — это

разрушение самых основ российского общества. Развитие школы (как средней, так и высшей), ориентированной на фундаментальное образование, которое было свойственно отечественной традиции, является необходимым (хотя и недостаточным, конечно, но именно необходимым!) условием становления российского гражданского общества.

Отечественная традиция гражданского общества — это традиция гражданского объединения на основе потребности постоянного обсуждения справедливости права и закона.